

Таким образом, если говорить об исторической концепции Погодина, то, как целостная, она отсутствует. Его исторические воззрения носят фрагментарный характер, распространяясь на отдельные периоды русской истории: первые века существования Руси, время Грозного и Смуты, а также реформы Петра Великого.

Библиографический список

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб, 1882.
2. Бестужев-Рюмин К. Михаил Петрович Погодин. СПб, 1892.
3. Болотина Д.И. «Простая речь о мудрёных вещах» М.П. Погодина: забытая полемика русского учёного с дарвинизмом // Православное осмысление творения мира и современная наука. Выпуск 5. М., 2009.
4. Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010.
5. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции. В 6 т. 1846-1855.
6. Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М., 1876.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. Кузнецова

3 курс, исторический факультет

Научный руководитель – **проф. О.Б. Леонтьева**

Рубеж XIX-XX веков стал для России, пожалуй, одним из самых сложных переходных периодов. Противоречия между властью и обществом усиливались все больше и больше. Именно в этот период Россия переживает беспрецедентную по своим масштабам и продолжительности волну революционного терроризма. Этот феномен терроризма, возникший в российском революционном движении в последней трети XIX века, был неразрывно связан с народнической идеологией.

На сегодняшний день работы, посвященные революционному терроризму, являются актуальными, поскольку этот феномен, оказавший столь глубокое воздействие на политическое развитие, психологию русского общества, мало исследован. Особенно стоит уделить внимание происхождению терроризма, его психологии и философии, чтобы понять, как бороться с этой «заразой», которая, к сожалению, в настоящее время приобрела новые формы и является одной из глобальных проблем современного общества.

В отечественной историографии не сложилось непрерывной традиции изучения психологии революционного терроризма. Как самостоятельная исследовательская проблема она начала рассматриваться сравнительно недавно, в 1990-2000-х гг.

Одним из первых специфику революционного террора стал рассматривать О. Будницкий [2, 3]. В своих исследованиях он сосредоточился на изучении широкого спектра проблем, связанных с психологией, этикой и идеологией терроризма. Он стремился показать происхождение террори-

стических идей, а также взаимовлияние идеологии и практики террора. О. Будницкий поднимает очень важный вопрос, который встает перед всеми исследователями революционного терроризма: почему этот феномен в России оказался столь живуч? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, стоит искать не только в идеологии и психологии определенной части русских революционеров [3, с. 14], но и в психологии общества, «заразившегося» террором, принявшего его в свою культуру.

В значительной степени эту идею развивает А. Баранов, который пишет в своей статье об особом образе террориста в русской культуре рубежа XIX-XX веков [1]. Он отмечает, что «механизм “включения” в отечественную культуру терроризма можно проследить через процесс рождения и развития в ней образа террориста» [1, с. 181]. Этот образ рождался на крупнейших судебных процессах конца XIX – начала XX вв. Интерпретируя политические события, «на каждом из этих процессов русское общество по-новому решало для себя проблему отношения к террору и террористам, и это решение определяло характер новой фазы развития террора» [1, с. 182].

Какое влияние оказывал на общество созданный тогда образ террориста, и как проходила мифологизация этого образа, основательно разбирает М. Могильнер [4]. Она рассматривает в своем исследовании отражение революционного терроризма в художественной культуре, а также влияние литературы на деятельность революционного подполья. Проведя обширный анализ литературной мифологии «подпольной» России, она показала, что общество давало моральную санкцию не политическому радикализму как таковому, а его двойнику – мифологизированной подпольной России [4, с. 57].

А. Эткинд в своей статье [5] обращается к такому литературному жанру, как революционные автобиографии, анализируя их влияние на создание «нового человека». Можно заметить, что в этом жанре присутствовал оттенок романтизма, поскольку через субъективное, индивидуальное отношение авторов к своим героям шла экзотизация прошлого.

Таким образом, в современной исследовательской литературе терроризм рассматривается не просто как политическое явление, «как метод управления социумом посредством превентивного устрашения» [1, с. 181], но и как явление культурное, как особый способ видения мира. Приняв терроризм, общество подчинялось ему, «террористическая борьба идейно воспитывала русское общество» и оказывала на него колоссальное влияние – террор был не только эффективен, но и эффектен. Как власти, так и многие либералы осознавали, что «это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из бессилия» [3, с. 345, 354] и с нею нужно бороться всеми необходимыми способами.

Библиографический список

1. Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С.Нечаев, В.Засулич, И.Каляев, Б.Савинков) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 181-191.

2. Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203-209.

3. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX - начало XX в.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

4. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

5. Эткинд А. «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С.41-69.

САМАРСКИЙ ГОРИСПОЛКОМ В 1919 г: СТРУКТУРА И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. Алехин

5 курс, исторический факультет

Научный руководитель – проф. Н.Н. Кабытова

В 1919 г. в связи с гражданской войной и необходимостью сохранения государственного аппарата было принято решение объединить городской исполком с уездным. При этом принимались во внимание следующие моменты: ослабление недостатков ответственных работников; сокращение расходов на аппарат; сближение города с деревней. Слияние произошло 31 января 1919 г. Объединенное учреждение стало называться – Самарский городской и уездный исполнительный комитет советов рабочих и красноармейских депутатов. В связи с объединением исполкомов возникла необходимость объединения и отделов горисполкома. На 2-м заседании объединенного исполкома было постановлено объединить следующие отделы: юридический, финансовый, народного образования. Ставился вопрос об объединении отдела искусств с горуездным отделом народного образования. Решались вопросы об объединении и других отделов. На практике, однако, это оказалось сложно. Одни отделы было слить невозможно, другие – нецелесообразно, третьи – несвоевременно. Те отделы, которые были слиты существовали лишь формально [1].

Условия города и деревни не позволяли объединить работу и она велась в ущерб деревне. Финансовые отделы невозможно оказалось слить ввиду различных источников доходов и расходов, различных систем счетоводства. По тем же причинам невозможно было слить следующие отделы: медицинский, технико-строительный и коммунальный. Поэтому уже в апреле 1919 г. был поставлен вопрос о разъединении исполкомов. Слишком поспешное решение о слиянии привело к неудаче, так как уезд с его нуждами оказался забытым. Сокращение работников не было достигнуто, а расходы не только не сократились, но даже увеличивались. Поэтому в июле 1919 г., менее чем через полгода после объединения исполкомов они вновь разъединились [2].